

ПОГРЕБЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КРУГА БАБИНО В ДЕРЕВЯННЫХ ГРОБАХ-КОЛОДАХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

РОМАН ЛИТВИНЕНКО

The Burial of the Babino Cultural Circle in Tree-Trunk Coffins as a Manifestation of Pan-European Bronze Age Practice. The paper is devoted to the practice of using funeral a tree-trunk coffin in the Bronze Age of Eastern Europe. Tree-trunk coffins were used for a short period, at the transition phase from Middle to Late Bronze Age (2000–1800 BC cal), in the burial mounds of one of the three cultures of the Babino cultural circle – the Dnieper-Prut Babino culture. Chronological and geographical considerations suggest that this funerary fashion came from the west – from the midst of Early Bronze Age cultures of Central Europe, most likely Únětice culture.

Keywords: East Europe, Bronze Age, Babino cultural circle, Únětice culture, cemeteries, tree-trunk coffin.

ВВЕДЕНИЕ

В бронзовом веке в некоторых регионах Европы практиковались захоронения в гробах, сделанных из цельного ствола дерева. Такая погребальная традиция имела место лишь в некоторых культурах/группах бронзового века и в определенные его периоды. Несмотря на то обстоятельство, что поступление археологических данных по погребениям в гробах-колодах началось еще в 19 веке и сегодня накоплена источниковая база в несколько сотен таких комплексов, до сих пор, насколько нам известно, не появилось специального обобщающего исследования данной погребальной «моды» в общеевропейском масштабе или, скажем, в рамках Центральной Европы, где сосредоточен основной массив погребений бронзового века в гробах-колодах. Лишь Энтони Хардинг в книге об обществах бронзового века Европы посвятил небольшой раздел погребениям в деревянных гробах-колодах, где очертил основные регионы распространения таких конструкций и попробовал оценить их общее количество (*Harding 2000*, 103–109). На общеевропейском фоне выделяются обобщенным уровнем исследованности погребения в дубовых колодах из Северной Европы (Ютландия, Шлезвиг-Гольштейн), которым посвящена серия статей и книг (*Holsth/Breuning-Madsen/Asmussen 2001; Christensen 2006; Christensen i dr. 2007; Randsborg 2006; Randsborg/Christensen 2006*). Подавляющая часть интересующих нас публикаций по остальным областям Европы имеет формат статей, разделов монографий или диссертаций, посвященных обобщению сведений по погребениям в деревянных гробах-колодах

для отдельных археологических культур или регионов, иногда могильников или конкретных погребений (*Babel 2013*, 62–67; *Bátora 2018; Drenth/Lohof 2005; Ernée/Müller/Rassmann 2009; Gardelková-Vrtelová 2014; Lasak 1982; Melton i dr. 2010; Pearson/Sheridan/Needham 2013; Pleiner/Rybova 1978; Pleinerová 1960; Podborský i dr. 1993; Stuchlík 2006; Šabatová/Parma 2019; Tihelka 1960*; и др.). Если обобщить доступные нам сведения, то можно констатировать, что практика хоронить умерших в деревянных гробах, сделанных из ствола дерева, своими корнями уходит в энеолитический период культур колоколовидных кубков и протоунетицкой. Однако в энеолите эта практика, видимо, только зарождалась и захоронения в деревянных гробах-колодах были нечастым явлением. Количественный и географический пик распространения данной традиции приходится на период раннего бронзового века (среднеевропейский период ВА1 схемы П. Рейнеке), когда она наиболее ярко проявилась в унетицкой культуре Центральной Европы и, в меньшей степени, в таких культурах/группах как нитрянская, межановицкая, Унтервельблинг, Изар, Зинген, Адлерберг, раннебронзовых группах Центральной и Северной Германии, Нидерландов и Британии (в частности, культуре Вессекс). На следующем этапе бронзового века (ВА2) фиксируется количественное и территориальное сокращение практики захоронений в деревянных гробах-колодах, известных лишь в тшинецкой, Отомань-Фюзешабонь, ветержовской и курганной культурах. Самым поздним проявлением традиции захоронения в гробах-колодах являются курганные погребения с вытянутыми костяками Северной Европы (Ютландия и Южная Швеция), в основном относящиеся

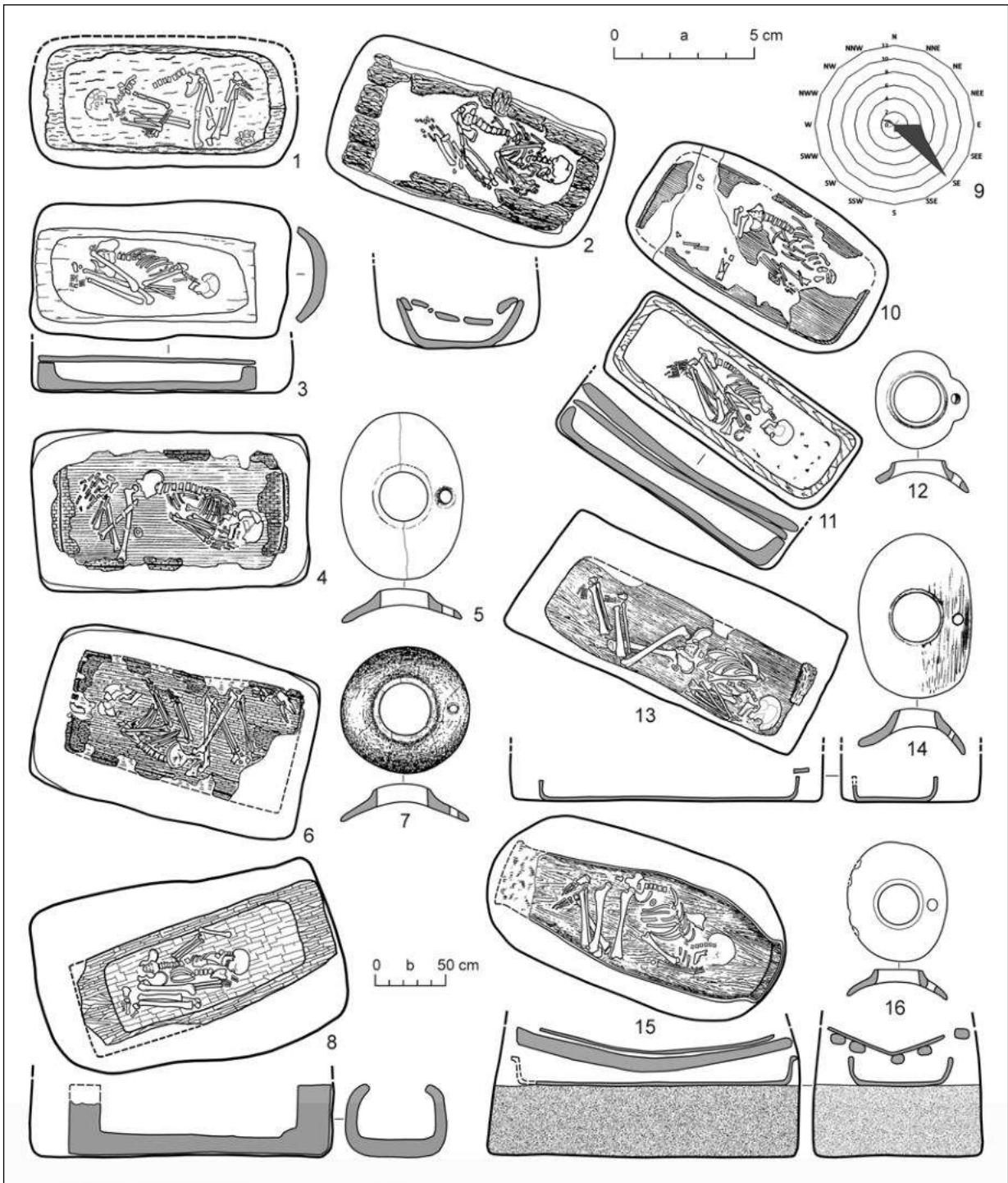

Рис. 1. Погребения в гробах-колодах днепро-бугского варианта ДПБК. 1 – Баштечки 49/2; 2 – Сугоклейский курган, погребение 25; 3 – Головковка-III 14/1; 4, 5 – Подольское 9/2; 6, 7 – Подольское 8/1; 8 – Звенигородка-Х 5/3; 9 – ориентации умерших; 10 – Подольское 2/; 11, 12 Боровковка 1/12; 13, 14 – Дригвалов Сад 3/3; 15, 16 – Дригвалов Сад 7/2. Масштаб а: 5, 7, 12, 14, 16; б: 1–4, 6, 8, 10, 11, 13, 15 (по Григорьев/Баитовой 1989; Ковалёва/Шалобудов 1992; Куштан 2013; Лысенко 2000; Ніколова/Разумов 2012; Полин/Тупчиенко/Ніколова 1993; Полин/Тупчиенко/Ніколова 1994).

к периоду II – переходной фазе к периоду III датского (северного) бронзового века, в общем синхронным средневропейскому периоду ВС,

но также встречающиеся в более позднее время – в конце периода III, соответствующего средне-европейскому периоду ВД.

На фоне определенных результатов в изучении погребений в гробах-колодах бронзового века, из общеевропейского контекста практически выпали материалы Восточной Европы. В существующих сводках восточноевропейские могильники с деревянными гробами-колодами просто отсутствуют. Между тем, в бронзовом веке Восточной Европы также эпизодически практиковались захоронения в деревянных колодах (Куштан 2013; Литвиненко 2011; 2017; Лысенко 2000; Савва 1992; и др.). Именно этим восточноевропейским памятникам посвящена предлагаемая статья, в которой дается их общая характеристика, культурная и хронологическая атрибуция, а также

оценка в контексте общеевропейской традиции использования в погребальном обряде деревянных гробов, изготовленных из цельного ствола дерева.

ПОГРЕБЕНИЯ В ДЕРЕВЯННЫХ ГРОБАХ-КОЛОДАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В Восточной Европе погребения в гробах-колодах практиковались на протяжении короткого временного периода, представителями лишь одной или двух археологических культур, причем в очень ограниченном количестве. В первую

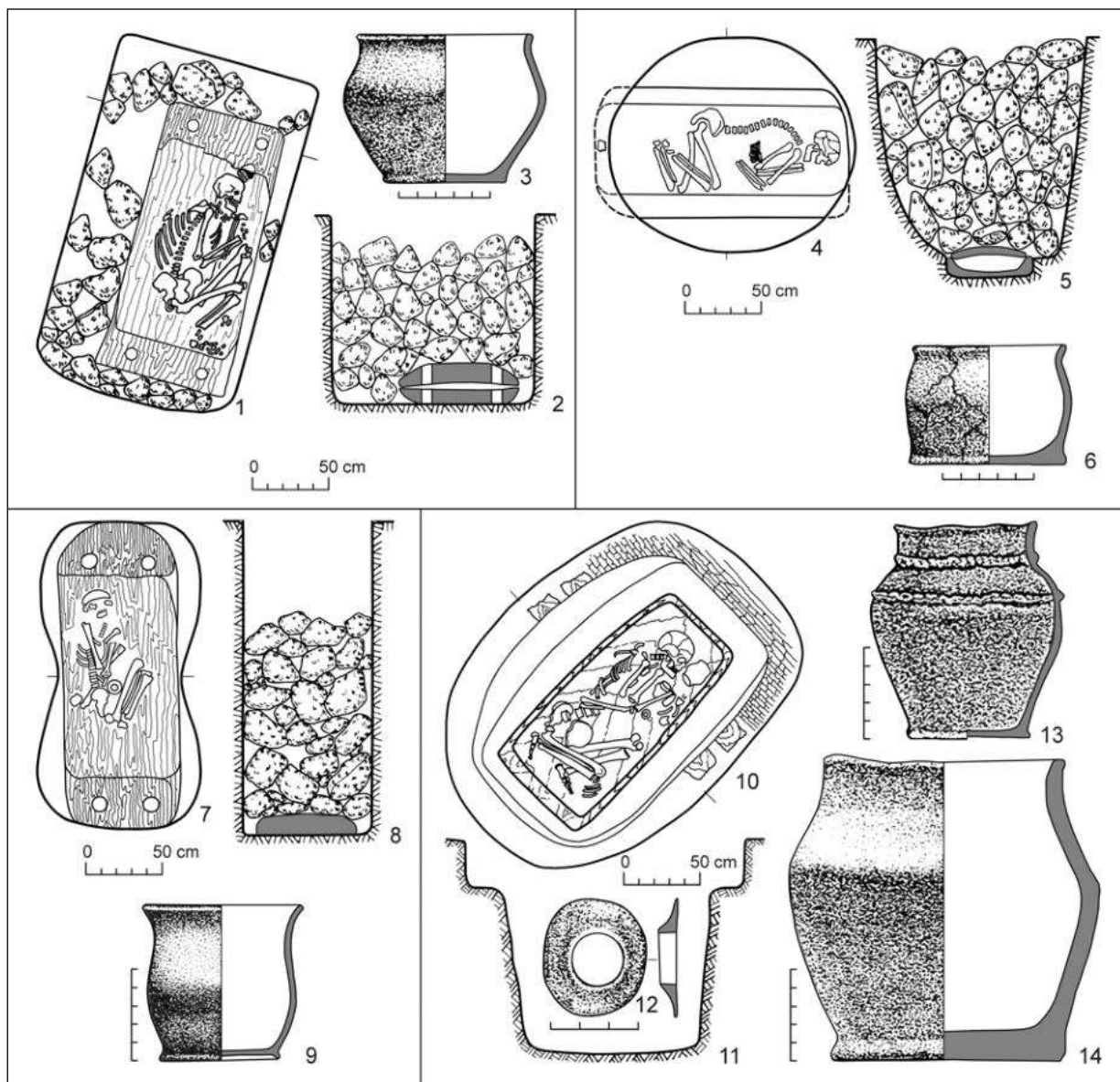

Рис. 2. Погребения в гробах-колодах днестро-прутского варианта ДПК. 1–3 – Никольское 7/35, курган/погребение; 4–6 – Никольское 7/37; 7–9 – Никольское 12/8; 10–14 – Румянцево 1/2 (по Агульников/Бубулич 1988; Савва 1992).

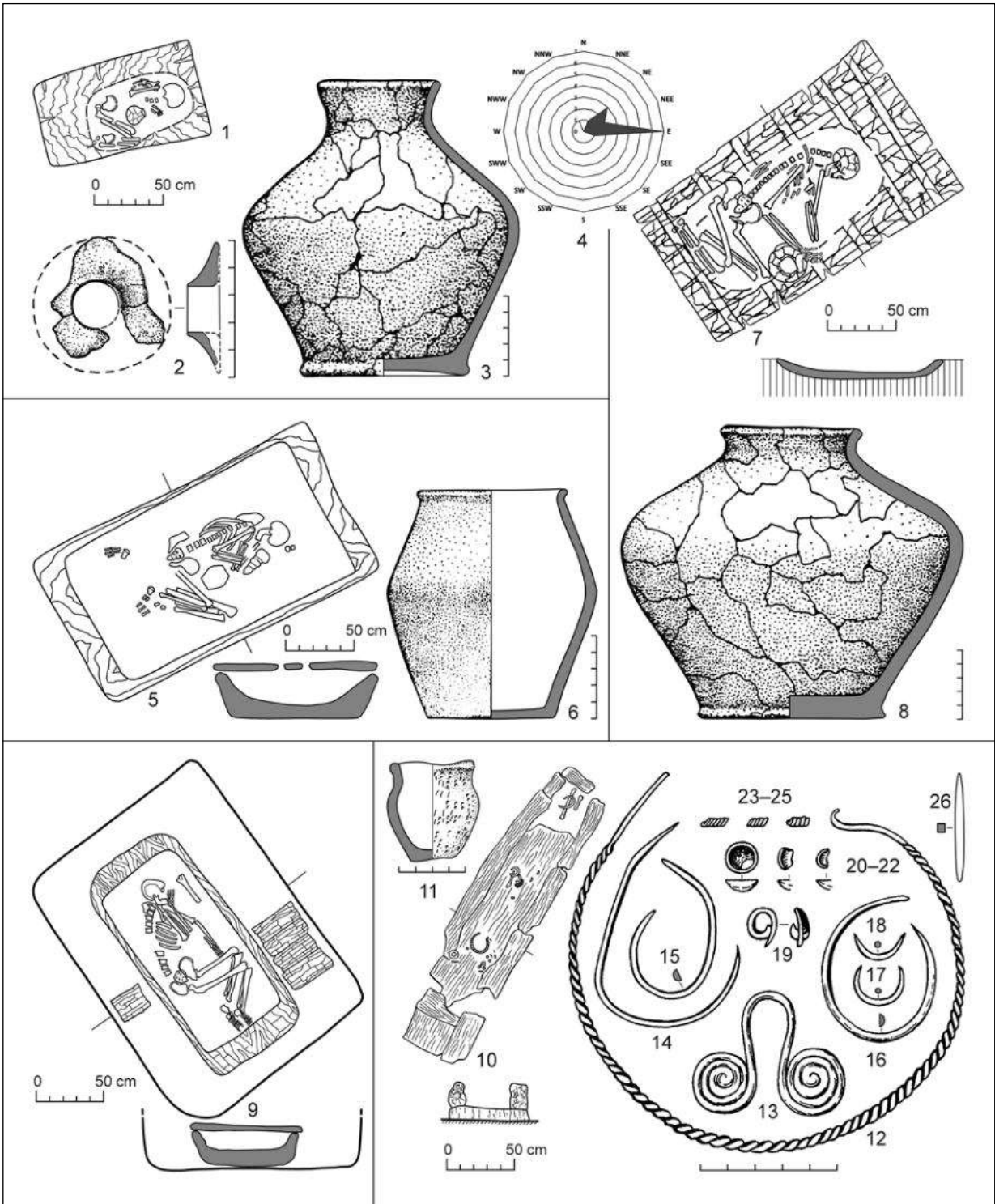

Рис. 3. Погребения в гробах-колодах днестро-прутского варианта ДПБК (1–9) и воронежской культуры (10–26). 1–3 – Крихана Веке 1/2; 4 – ориентации умерших; 5–6 – Токиле Рэдукань 1/13; 7–8 – Крихана Веке 1/1; 9 – Токиле Рэдукань 1/21; 10–26 – Хохольский, погребение 1 (по Прыхин/Синюк 1983; Савва 1992).

очередь, речь идет о днестро-прутской бабинской культуре (ДПБК), входящей в состав культурного круга Бабино (Литвиненко 2011), который, в свою очередь, входит в состав блока посткатакомбных

культур (Мимоход 2005). В отличие от двух других бабинских культур – волго-донской (ВДБК) и днестро-донской (ДДБК) – днестро-прутская бабинская культура не является гомогенной,

а включает в себя три локальных варианта: днепро-днестровский степной, днепро-бугский лесостепной, днестро-прутский. Именно курганные могильники двух последних локальных вариантов ДПБК демонстрируют использование в погребальном обряде деревянных гробов-колод.

ДНЕПРО-БУГСКИЙ ВАРИАНТ ДПБК

В курганных могильниках днепро-бугского варианта ДПБК известно около 30 погребений в деревянных гробах-колодах. В 24 захоронениях достоверно зафиксирован деревянный гроб, а в 6 предположительно. Эти 30 погребений в гробах-колодах составляют 9,8 % от общего количества захоронений днепро-бугского варианта ДПБК (Литвиненко 2017, 338).

Как правило, могильное сооружение представляло собой грунтовую яму прямоугольной формы с округленными углами, на дно которой устанавливался деревянный гроб (рис. 1). Гробы изготавливались из цельного ствола дерева, в частности дуба, путем долбления и выжигания, о чем свидетельствуют следы горения на стенках гробовища. Сохранность гробов-колод в большинстве случаев недостаточна для того, чтобы судить об их морфологических и технологических деталях. Некоторые из них напоминают небольшие лодки-долбленки. Длина гробов-колод варьирует в пределах 1,2–2,1 м, ширина 0,55–1,0 м, высота 0,16–0,55 м. Гробы-колоды накрывались крышками из цельных кусков дерева или двух–четырех плотно уложенных продольных деревянных плах, в одном случае корой дерева.

Покойников укладывали в скорченном положении, обычно на левом и редко на правом боку, с обычной ориентацией в восточный сектор (рис. 1: 9). Подавляющее большинство погребений в колодах принадлежат взрослым индивидам и лишь в одном случае ребенку. Среди взрослых преобладают мужчины (достоверно 15) и лишь дважды пол покойника предположительно определен как женский.

Погребальный инвентарь встречен лишь в 13 захоронениях (43 %) и представлен лишь четырьмя категориями: костяные пряжки нескольких типов в 12 погребениях (рис. 1: 5, 7, 12, 14, 16), керамическая посуда в одном погребении, деревянная чашка в одном погребении и мясная напутственная пища в 8 погребениях (сохранились кости ребер, позвонков, крестца, ног, челюсти и черепа мелких копытных, реже крупных копытных и собаки).

ДНЕСТРО-ПРУТСКИЙ ВАРИАНТ ДПБК

В курганных могильниках днестро-прутского варианта ДПБК погребения в деревянных гробах-колодах встречаются значительно реже: известно лишь 13 захоронений (4,5 % от общего количества). Могильные сооружения представлены грунтовыми ямами различной формы, иногда с поперечным деревянным перекрытием (рис. 2; 3: 1–9). Трижды ямы были забутованы камнями известняка на высоту 1,07–1,43 м от дна (рис. 2: 1, 2, 5, 8).

На дно ям устанавливались деревянные гробы-колоды. В одном случае для колоды выкопано специальное донное углубление (рис. 2: 4, 5). Гробы изготовлены из цельного ствола дерева, в частности дуба, путем долбления, а иногда и выжигания. Гробы имеют корытообразную прямоугольную в плане форму, иногда с округленными углами, с толстыми поперечными и тонкими продольными стенками. Гробовища сверху перекрывались цельными деревянными крышками (иногда долбленными и с полусферическим сводом) или двумя–тремя широкими продольными досками, а в одном случае тонкими поперечными бревнами. В двух погребениях гробы с крышками имели парные круглые отверстия в широких торцевых стенках, вероятно для деревянных фиксирующих штифтов (рис. 2: 1, 2, 7). Размеры гробов-колод: длина варьирует в диапазоне 1,2–2,12 м, ширина 0,52–1,09 м, высота 0,14–0,58 м.

Умерших укладывали в скорченном положении на левом боку. Направления ориентации головой сведены на диаграмме (рис. 3: 4). Все покойники были взрослыми индивидами. На основании антропологического определения и гендерно-диагностического инвентаря (пряжек), 4 погребения можно отнести к мужским.

Инвентарь в днестро-прутских погребениях ДПБК встречается значительно чаще (92 % комплексов): керамическая посуда в 12 погребениях (рис. 2: 3, 6, 9, 13, 14; 3: 3, 6, 8), пряжки из кости и известняка в 4 погребениях (рис. 2: 12; 3: 2), каменный растиральник в одном случае, шлифованная костяная пластина в одном случае и мясная напутственная пища в 4 погребения (сохранились кости ребер, позвонков и крестца).

СОПОСТАВЛЕНИЕ И ОЦЕНКА

Итак, в курганных могильниках ДПБК в целом известно 43 погребения в деревянных гробах-колодах. Локализация этих памятников в пределах лесостепной зоны представляется вполне логичной, учитывая, что для изготовления таких

гробовищ необходимо соответствующее сырье в виде толстых деревьев, отсутствующих или дефицитных в степной зоне.

Когда мы лишь начинали исследовать погребения в колодах, то по данным картографирования казалось, что они составляют единый массив памятников лесостепи от Днепра до Прута и от-

носятся к одному археологическому образованию (рис. 4). Однако последующее тщательное сопоставление этих погребений позволило разделить весь массив на две группы, демонстрирующих комплекс более-менее контрастных различий:

1. на уровне поз и ориентаций умерших: для днепро-бугского варианта преобладает юго-вос-

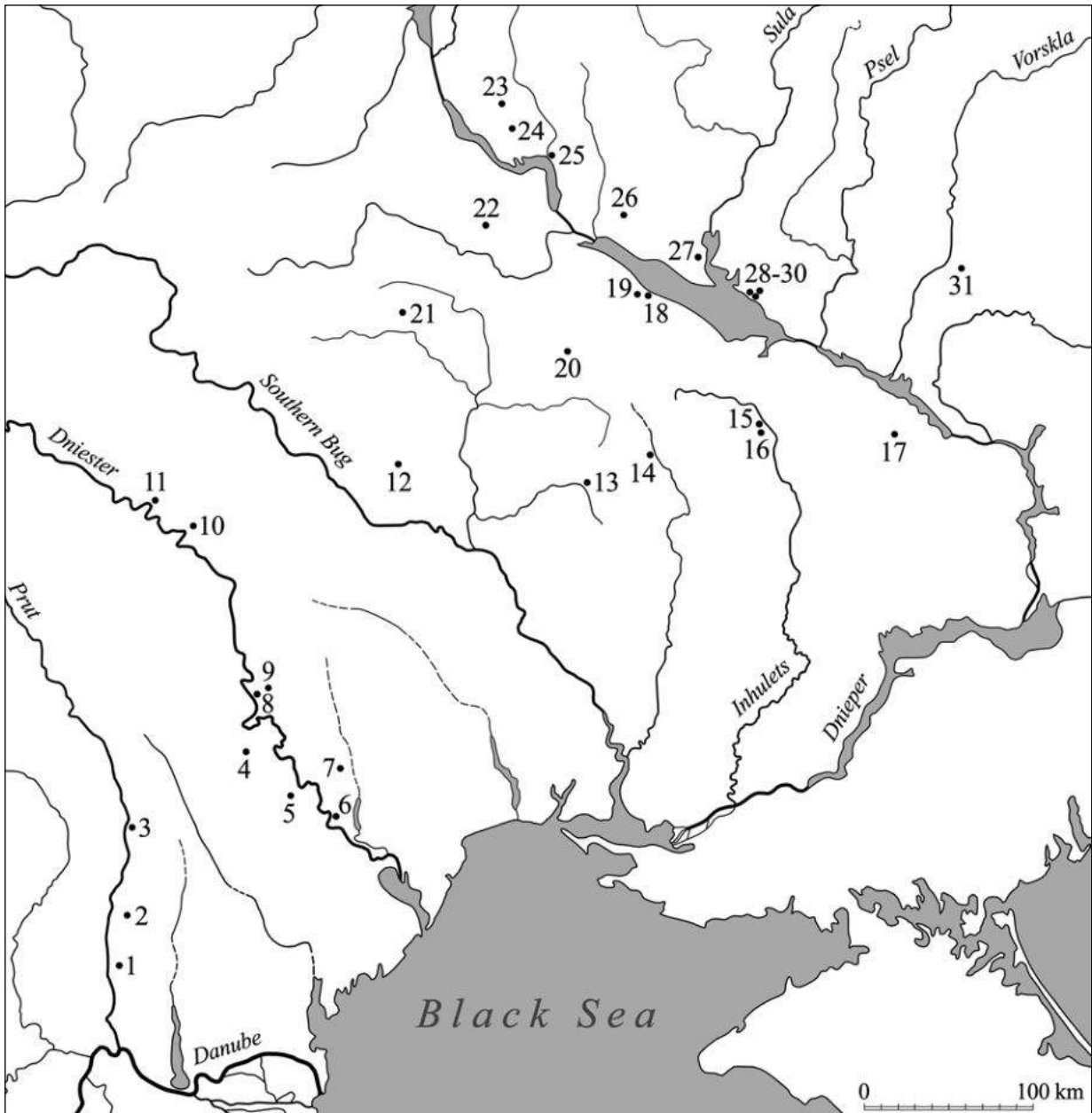

Рис. 4. Ареал погребений в гробах-колодах днепро-прутской бабинской культуры (ДПБК). Днестро-прутский вариант: 1 – Крихана Веке 1/1, 1/2; 2 – Румянцево 1/12; 3 – Токиле-Рэдукань 1/13, 1/21; 4 – Мерень-І 1/12; 5 – Хаджимус 2/8; 6 – Глиное 1/11; 7 – Никольское 7/35, 7/37, 12/8; 8 – Дубосары 17/1; 9 – Красный Виноградарь 31/8; 10 – Окница 3/2; 11 – Севериновка 2/2. Днепро-бугский вариант: 12 – Бузок погребение 2; 13 – Захаровка-І 11/1; 14 – Сугоклейский курган, погребение 25; 15 – Звенигородка-Х 5/3; 16 – Головка-ІІІ 14/1; 17 – Боровковка 1/12; 18 – Леськи-І 1/8; 19 – Червона Слобода 3/1; 20 – Матусов, погребение 4; 21 – Баштечки 49/2; 22 – Росава 4/2, 5/2, 8/1, 8/2, 8/7; 23 – Иванов; 24 – Мирное-ІІ 1/1; 25 – Выбла Могила (Крест), погребение 1; 26 – Подольское 2/1, 2/4, 8/1, 9/2; 27 – Тимченки 1/1; 28 – Пронозовка 2/1; 29 – Дригвалов Сад 3/3, 6/3, 7/2; 30 – Кагамлык 2/1; 31 – Коломацкое 1/1.

точный вектор (рис. 2: 9), а для днестро-прутского восточный с северо-восточным (рис. 3: 4);

2. по типам пряжек: для днепро-бугского варианта характерны пряжки типа 3о, а для днестро-прутского пряжки типа 2;

3. керамическая посуда для днепро-бугских погребений является исключением (3 %), тогда как для днестро-прутских правилом (85 %);

4. имеются некоторые различия оформлении могильных сооружений, а также в метрических и конструктивных деталях самих гробов-колод.

Позднее такое разделение на две группы массива бабинских погребений в деревянных колодах подтвердилось на более высоком уровне сопоставления массивов памятников, и они были включены нами в отдельные локальные варианты ДПБК, в днепро-бугский и днестро-прутский (Литвиненко 2011, 118–121).

Хронологическое соотношение памятников, занимающих различные, пусть даже соседние, ареалы, исключает или минимизирует возможность использования стратиграфических наблюдений, в первую очередь курганной стратиграфии. Поэтому в данном вопросе мы опираемся на типологические сопоставления погребального инвентаря. Единственной категорией для такого сопоставления выступают костяные пряжки, для которых разработана многоступенчатая и достаточно надежная хронологическая схема, являющаяся актуальной для всех бабинских культур, хотя и проявляющаяся в этих культурах с некоторой спецификой, не нарушающей общего вектора эволюции пряжек во времени. Итак, пряжки из гробов-колод днестро-прутского варианта ДПБК относятся к типу 2, соответствующему этапу IIА общей схемы периодизации. Погребения в гробах-колодах днепро-бугского варианта ДПБК сопровождалась пряжками типа 2о и 3о, относящимся к этапам IIВ–III. Таким образом, на основании пряжек можно констатировать более ранний возраст погребений в колодах днестро-прутского локального варианта, по сравнению с более поздними погребениями днепро-бугского варианта. Пока трудно уверенно сказать, является ли хронологический приоритет днестро-прутских погребений в колодах абсолютным, на что намекают пряжки, или только частичным. Но этот факт представляется весьма показательным и к нему мы возвратимся ниже.

ИСТОКИ ТРАДИЦИИ

Вполне логичным представляется вопрос об истоках традиции захоронения умерших в деревянных гробах-колодах, которая пра-

ктиковалась в двух локальных группах ДПБК. В предшествующие периоды раннего и среднего бронзового века захоронения в колодах в Северном Причерноморье не практиковались. Впрочем, и для бронзового века Восточной Европы в целом можно говорить о не характерности обряда захоронения в деревянных долбленых колодах. Погребальная «мода» на захоронения в деревянных гробах-колодах в восточноевропейском регионе появляется в финальный период среднего бронзового века (его также называют переходным периодом от среднего к позднему бронзовому веку). Эту «моду» устойчиво, хотя и не массово, демонстрируют лишь две локальные группы днепро-прутской бабинской культуры: днепро-бугская и днестро-прутская. Можно осторожно предположить наличие деревянного гроба-колоды в единственном погребении воронежской культуры Лесостепного Подонья: Хохольское, погребение 1 (рис. 3: 10–26; *Пряхин/Синюк 1983, 197, рис. 2*), хотя авторы публикации пишут о плохо сохранившейся камере их дубовых плах с непрослеженным способом их крепления. Это неординарное по обряду и инвентарю женское захоронение сопровождалось ярким гарнитуром медно-бронзовых украшений и синхронизируется с ранним периодом посткатакомбных культур юга Восточной Европы, в частности днепро-донской бабинской культурой (ДДБК; *Литвиненко 2002, 78, 79, 81, рис. 1*), который датируется 2200–2000 гг. до н. э. (*Мимоход 2019, 130*). Также украшения погребения 1 из Хохольского находят аналогии в раннем бронзовом веке периода ВА1 Центральной Европы, определяя еще один вектор синхронизации (*Grigoriev 2019; Lytvoynenko 2013*).

Благодаря такому надежному индикатору, как костяные пряжки типов 2 и 3о, погребения ДПБК в гробах-колодах относятся к поздним этапам (IIВ–III) общей схемы периодизации культурного круга Бабино, а потому представляются более поздними, по сравнению с захоронением из Хохольского. Такой вывод полностью подтверждается имеющимися радиоуглеродными датами, пусть и немногочисленными. В настоящее время известны радиоуглеродные даты для трех погребений ДПБК в деревянных колодах (табель 1).

Все три погребения относятся к днепро-бугскому локальному варианту ДПБК. Две омоложенные даты из Мироновского могильника однозначно выпадают их диапазона радиоуглеродных дат культур Бабинского круга и обоснованно признаны исследователями некорректными (*Мимоход 2010, 42–45; Ніколова/Разумов 2012, 107*). Дата погребения 25 Сутоклейского кургана представляется корректной, поскольку

Табель 1. Радиоуглеродные даты погребений ДПБК в гробах-колодах.

№	Погребение в колоде	Дата ¹⁴ C cal	Источник
1	Мироновка, к. 4, п. 2	1530–1410	Лысенко 2005
2	Мироновка, к. 8, п. 2	1530–1410	Лысенко 2005
3	Сугоклейский курган, п. 25	1880–1630	Николова/Разумов 2012

коррелируется с радиоуглеродной хронологией позднего периода Бабино, в частности днепро-бугского варианта ДПБК.

Итак, в местной восточноевропейской среде ранней и средней бронзы традиция захоронения в гробах-колодах не фиксируется, а потому не могла быть унаследована культурами посткатакомбного блока. В такой ситуации напрашивается логичный вопрос: не могла ли погребальная «мода» на долбленые гробы-колоды прийти с запада? Даже предварительная оценка ситуации к западу от Карпат позволяет ответить на этот вопрос утвердительно.

В реальности, Европа западнее Карпат дает нам многочисленные свидетельства использования долбленых деревянных колод в погребальных традициях эпохи палеометалла. Зародившись в период, соответствующий общеевропейскому энеолитическому горизонту колоколовидных кубков,¹ своего расцвета традиция захоронений в деревянных гробах-колодах достигла в эпоху раннего бронзового века (периоды ВА1–А2 схемы П. Рейнеке),² когда эту практику в той или иной степени демонстрирует значительная часть культур и групп Северо-Западной и центральной Европы (рис. 5). Учитывая широкое распространение практики захоронения в деревянных колодах и многочисленность таких могильников, раннебронзовые культуры Центральной Европы вполне могли выступать тем первичным очагом, из которого данная «мода» распространилась в Восточную Европу и где ее восприняли носители двух локальных групп днепро-прутской бабинской культуры. Такое предположение, во-первых, находится в соответствии с хронологическими соображениями: центральноевропейские могильники, в которых погребения в деревянных колодах встречаются

ся со времени 2200 г. до н. э., являются более ранними относительно восточноевропейских бабинских погребений в колодах, относящихся ко времени позже 2000 г. до н. э. Во-вторых, на западный импульс намекает и географический фактор: в пределах культурной области Бабино, охватывающей зону степи-лесостепи от Волги до Прута, погребальные гробы-колоды известны только в наиболее западных группах ДПБК, находящихся ближе всего к предполагаемому центральноевропейскому очагу погребальной традиции на использование деревянных долбленых колод.

Какая именно из центральноевропейских культур стала источником новаций для ДПБК, пока уверенно сказать трудно. Но есть некоторые основания считать этой исходной средой унетичскую культуру. Именно в унетичских могильниках находят аналогии такие детали днестро-прутских бабинских погребений, как специальные донные углубления для гробов-колод и каменная забутовка некоторых погребальных ям (*Ernéel/Müller/Rassmann 2009, 363, 364, ris. 7; Podborský i dr. 1993, 248, ris. 153; Stuchlík 2006, 93, 94, ris. 4: 3, 4; 5: 1, 2, 4; Šabatová/Parma 2019, ris. 5: 1*). Таким образом, импульс унетичской культуры классического этапа, характеризующегося наиболее массовым использованием деревянных гробов-колод, мог повлиять на появление таких гробовищ к востоку от Карпат, в первую очередь в днестро-прутской группе ДПБК, из которой эта «погребальная мода» могла вскоре быть заимствована соседней днепро-бугской группой ДПБК. И хотя нельзя исключать конвергентное появление практики захоронения в деревянных колодах в Восточной Европе, мы склонны видеть здесь влияние с запада, как это уже имело место несколько ранее – на этапе формирования культурной области Бабино,

¹ В Восточной Европе горизонту колоколовидных кубков соответствует период существования катакомбной культурной области среднего бронзового века, в основном 2 и 3 его этапы.

² В Восточной Европе центральноевропейскому периоду ВА1 соответствует финальный период среднего бронзового века (в другой интерпретации – переходный период от среднего к позднему бронзовому веку), представленные блоком посткатакомбных и эпипшнуровых культур (культурный круг Бабино, культурный круг Лола, воронежская культура, средневожская абашевская культура). Периоду же ВА2 соответствует ранняя пора позднего бронзового века, представленная поздними фазами культурных кругов Бабино и Лола, а также блоком колесничных культур (Синташта, Потапово, доно-вожская абашевская культуры).

Рис. 5. Область распространения погребений в деревянных гробах-колодах в Европе. Красные – культуры/группы раннего бронзового века (BA1–A2 П. Рейнеке); желтые – днепро-прутская бабинская культура; оранжевый – воронежская культура (Хохольский).

когда под воздействием импульса из Центральной Европы сложилась древнейшая из бабинских культур днепро-донская (ДДБК; *Lytvynenko 2013*).

ВЫВОДЫ

Возникшая и широко распространившаяся в раннем бронзовом веке Центральной и Северо-Западной Европы традиция захоронения в долбленных гробах-колодах из цельного ствола дерева на рубеже 3–2 тыс. до н. э. проникла

в Восточную Европу. Эту «погребальную моду» практиковали носители западных локальных вариантов днепро-прутской бабинской культуры – днестро-прутского и днепро-бутского, возможно, также воронежской культуры Подонья. Хронологические и территориальные факторы, а также некоторое сходство в деталях погребального обряда этих восточноевропейских культур, позволяют предполагать в качестве первичного источника их практики использования гробов-колод унетичскую культуру Центральной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников/Бубулич 1988 – С. М. Агульников/В. Г. Бубулич: Погребения финального этапа эпохи средней бронзы степной зоны Республики Молдова. В: Г. Н. Тошев (ред.): *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье* 1988, 135–142.
- Григорьев/Баитовой 1989 – В. П. Григорьев/А. Н. Баштовой: *Отчет о раскопках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной археологической экспедиции в 1989 г.* Науковий архів ІА НАНУ. Отчёт № 1989/134. Київ 1989.
- Ковалёва/Шалобудов 1992 – И. Ф. Ковалёва/В. Н. Шалобудов: Курган эпохи бронзы у с. Боровковка. В: *Древности Степного Причерноморья и Крыма III*. Запорожье 1992, 105–114.
- Куштан 2013 – Д. П. Куштан: *Південь Лисостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Археологический альманах 29. Донецк 2013.
- Литвиненко 2002 – Р. А. Литвиненко: Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона. В: А. Т. Синюк (ред.): *Археологические памятники Восточной Европы*. Воронеж 2002, 76–85.
- Литвиненко 2011 – Р. А. Литвиненко: Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура. *Краткие сообщения Института археологии* 225, 2011, 108–122.
- Литвиненко 2017 – Р. А. Литвиненко: Бабинські пам'ятки Середньої Наддніпрянщини в системі старожитностей культурного кола Бабине. *Переяславіка* 12 (14), 2017, 336–344.
- Лысенко 2000 – С. Д. Лысенко: Погребения Среднего Поднепровья в колодах. В: В. Н. Горбов (ред.): *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк 2000, 70–72.
- Лысенко 2005 – С. Д. Лысенко: Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга. В: *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск 2005, 37–60.
- Мимоход 2005 – Р. А. Мимоход: Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы). В: В. В. Отрощенко (ред.): *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України*. Луганськ 2005, 70–74.
- Мимоход 2010 – Р. А. Мимоход: Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 10, 2010, 32–55.
- Мимоход 2019 – Р. А. Мимоход: Хронология воронежской культуры (по материалам погребальных памятников). *Краткие сообщения Института археологии* 256, 2019, 121–135.
- Ніколова/Разумов 2012 – А. В. Ніколова/С. М. Разумов: Поховання культури Бабине Сутоклейської могили. *Археологія* 3, 2012, 96–108.
- Полин/Тупчиенко/Николова 1993 – С. В. Полин/Н. П. Тупчиенко/А. В. Николова: *Курганы верховьев Ингульца 2 (Курганы у с. Головкивка)*. Кировоград 1993.
- Полин/Тупчиенко/Николова 1994 – С. В. Полин/Н. П. Тупчиенко/А. В. Николова: *Курганы верховьев Ингульца 3 (Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка)*. Кировоград 1994.
- Пряхин/Синюк 1983 – А. Д. Пряхин/А. Т. Синюк: Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский. *Советская археология* 3, 1983, 197–202.
- Савва 1992 – Е. Н. Савва: *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев 1992.
- Bąbel 2013 – J. T. Bąbel: *Cmentarzyska społeczności kultury mierzanowickiej na Wyżynie Sandomierskiej*. *Collectio Archaeologica Ressoviensis* XXIV/1. Rzeszów 2013.
- Bátora 2018 – J. Bátora: *Slovensko v staršej dobe bronzovej*. Bratislava 2018.
- Drenth/Lohof 2005 – E. Drenth/E. Lohof: Mounds for the dead: funerary and burial ritual in Beaker period, Early and Middle Bronze Age. In: A. L. van Gijn (ed.): *The Prehistory of the Netherlands 1*. Amsterdam 2005, 433–454.
- Ernée/Müller/Rassmann 2009 – M. Erneé/J. Müller/K. Rassmann: Ausgrabung des frühbronzezeitlichen Gräberfelds der Aunjetitzer Kultur von Prag-Miškovice. Auswertung und erste Ergebnisse der naturwissenschaftlichen Untersuchungen: ¹⁴C-Daten und Metallanalysen. *Germania* 87, 2009, 355–410.
- Gardelková-Vrtelová 2014 – A. Gardelková-Vrtelová: Sociální struktura na pohřebištích v závěru eneolitu a starší doby bronzové v oblasti Moravy a jihozápadního Slovenska. *Študijné zvesti AÚ SAV* 55, 2014, 5–68.
- Grigoriev 2019 – S. Grigoriev: Central European Impulses in Eastern Europe in the Early Second Millennium BC. *Slovenská archeológia* 67, 2019, 255–239.
- Harding 2000 – A. F. Harding: *European Societies in the Bronze Age*. Cambridge 2000.
- Holsth/Breuning-Madsen/Asmussen 2001 – M. K. Holsth/E. Breuning-Madsen/M. Asmussen: The South Scandinavian barrows with well-preserved oak-log coffins. *Antiquity* 75, 2001, 126–136.
- Christensen 2006 – K. Christensen: Bronze Age Oak Coffin Graves. Archaeology and Dendro-Dating (The Dendrochronological Investigation). *Acta Archaeologica (København)* 77, 2006, 164–244.
- Christensen/Eckstein/Schmidt 2007 – K. Christensen/D. Eckstein/B. Schmidt: Bronze Age oak coffins in Denmark and North Germany. Dendrochronological dating and archaeological implications. *Germania* 85, 2006, 35–46.
- Lasak 1982 – I. Lasak: Pochówki w trumnach drewnianych jako forma obrządku grzebalnego we wczesnym okresie epoki brązu w świetle badań w Przeclawicach, woj. Wrocławskie. *Silesia Antiqua* 24, 1982, 89–108.
- Lytvynenko 2013 – R. O. Lytvynenko: Central European parallels to the Dnieper-Don centre of Babyno Culture. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic drainage basin. 3200–1750 BC. *Baltic-Pontic Studies* 18, 2013, 121–138.
- Melton i dr. 2010 – N. Melton i dr.: Gristhorpe Man: an Early Bronze Age log-coffin burial scientifically dated. *Antiquity* 84, 2010, 796–815.
- Pleinerová 1960 – I. Pleinerová: Únětické pohřby v rakvích. *Archeologické rozhledy* 12, 1960, 13–27.
- Pearson/Sheridan/Needham 2013 – M. P. Pearson/A. Sheridan/S. Needham: Bronze Age tree-trunk coffin graves in Britain. In: N. D. Melton/J. Montgomery/Ch. Knüsel (eds.): *Gristhorpe Man: A Life and Death in the Bronze Age*. Oxford 2013, 29–66.

- Pleiner/Rybova 1978 – R. Pleiner/A. Rybova: *Pravěké dějiny Čech*. Praha 1978.
- Podborský i dr. 1993 – V. Podborský i dr.: *Pravěké dějiny Moravy*. Brno 1993.
- Randsborg 2006 – K. Randsborg: Bronze Age Oak Coffin Graves. Archaeology and Dendro-Dating (Part I). In: K. Randsborg/K. Christensen: *Bronze Age Oak-Coffin Graves: Archaeology & Dendro-dating*. Acta Archaeologica (København) 77. Supplementum 7. Copenhagen 2006, 1–163.
- Randsborg/Christensen 2006 – K. Randsborg/K. Christensen: *Bronze Age Oak-Coffin Graves: Archaeology & Dendro-dating*. Acta Archaeologica (København) 77. Supplementum 7. Copenhagen 2006, 1–163.
- Šabatová/Parma 2019 – K. Šabatová/D. Parma: Pohřbívání v závěru starší doby bronzové na Moravě: chronologie, typologie a absolutní data. *Archeologické rozhledy* 61, 2019, 3–26.
- Stuchlík 2006 – S. Stuchlík: Úprava hrobových jam na přelomu doby kamenné a bronzové na Moravě. *Študijné zvesti AÚ SAV* 39, 2006, 85–100.
- Tihelka 1960 – K. Tihelka: Moravské únětické pohřby v dřevěných rakvích. *Archeologické rozhledy* 12, 1960, 748–749.

Manuscript accepted 19. 6. 2020

Translated by Roman Litvinenko

проф. Роман Литвиненко, д.и.н.
Донецкий национальный университет имени Василя Стуса
ул. 600-летия 21
Украина – 21021 Винница
r.litvinenko@donnu.edu.ua

The Burial of the Babino Cultural Circle in Tree-Trunk Coffins as a Manifestation of Pan-European Bronze Age Practice

Roman Litvinenko

SUMMARY

In the Eneolithic in the western half of Europe, in the *Bell Beaker horizon* the practice of burial in tree-trunk coffins is born. In the Early Bronze Age (Reinecke's BA1–A2) this tradition became more widespread and was practiced to different degrees in cultures/groups – Únětice, Nitra, Mierzanowice, Unterwöblinger, Isar, Singen, Adlerberg, Wessex, Tumulus, Trzciniec, Otomani-Füzesabony and Věteřov (Fig. 5). Later manifestations of the funerary fashion on tree-trunk coffins belong to the period II of the Northern Bronze Age of Jutland (Reinecke's BC). Investigations of burials in tree-trunk coffins cover mainly the regions of Britain, Northern, Northwest and Central Europe, but Eastern Europe absolutely fell out of them, although similar burials were also practiced there in the Bronze Age.

To the east of the Carpathians, burials in hollowed-out wooden coffins are found in the western local groups of the Babino Cultural Circle (BCC) of late periods (about 2000–1800 BC cal). In total, 43 burials are known from

the barrows of Dnieper-Bug (30) and Dniester-Prut (13) regions – local versions of the Dnieper-Prut Babino Culture (DPBC; Fig. 4). Burials with oak tree-trunk coffins of these neighboring Babino groups have both common features and some differences (Fig. 1–3). The Dniester-Prut burials with wooden hollowed sarcophagi belong to the II period of the general periodization of the CCB, and the Dnieper-Bug burials are later and belong to the III period.

Without denying the possibility of the convergent origin of tree-trunk coffins in the funeral ritual of the DPBC, we consider it more likely that this funerary fashion appeared under the influence of a western impulse from Central Europe. The primary focus of this impulse could be the Únětice culture, where tree-trunk coffins appear earlier. At first, hollowed-out coffins could be borrowed by the population of the more western Dniester-Prut Babino group of DPBC, and later they fell into the neighboring Dnieper-Bug Babino group of DPBC.

Fig. 1. Burials in tree-trunk coffins of the Dnieper-Bug group of the DPBC. 1 – Bashtechki 49/2; 2 – Sugokleyskiy barrow, grave 25; 3 – Golovkovka-III 14/1; 4, 5 – Podol'skoye 9/2; 6, 7 – odol'skoye 8/1; 8 – Zvenigorodka-KH 5/3; 9 – orientation of the buried; 10 – Podol'skoye 2/1; 11, 12 – Borovkovka 1/12; 13, 14 – Drigvalov Sad 3/3; 15, 16 – Drigvalov Sad 7/2. Scale a: 5, 7, 12, 14, 16; b: 1–4, 6, 8, 10, 11, 13, 15 (after Григорьев/Баштовой 1989; Ковалёва/Шалобудов 1992; Куштан 2013; Лысенко 2000; Ніколова/Разумов 2012; Полин/Тупчиенко/Ніколова 1993; Полин/Тупчиенко/Ніколова 1994).

Fig. 2. Burials in tree-trunk coffins of the Dniester-Prut group of the DPBC. 1–3 – Nikolskoye 7/35, barrow/burial; 4–6 – Nikolskoye 7/37; 7–9 – Nikolskoye 12/8; 10–14 – Rumyantsevo 1/2 (after Агульников/Бубулич 1988; Савва 1992).

Fig. 3. Burials in tree-trunk coffins of the Dniester-Prut group of the DPBC (1–9) and Voronezh Culture (10–26). 1–3 – Krihana Veke 1/2; 4 – orientation of the buried; 5–6 – Tokile-Reducani 1/13; 7–8 – Krihana Veke 1/1; 9 – Tokile-Reducani 1/21; 10–26 – Khokholsky, grave 1 (after Пряхин/Синюк 1983; Савва 1992).

Fig. 4. The area of burials in tree-trunk coffins of the Dnieper-Prut Babino Culture. Dniester-Prut group: 1 – Krikha-

na Veke 1/1, 1/2; 2 – Rumyantsevo 1/12; 3 – Tokile-Redukan' 1/13, 1/21; 4 – Meren'-I 1/12; 5 – Khadzhimus 2/8; 6 – Glinoye 1/11; 7 – Nikol'skoye 7/35, 7/37, 12/8; 8 – Dubossary 17/1; 9 – Krasnyy Vinogradar' 31/8; 10 – Oknitsa 3/2. Dnieper-Bug group: 12 – Buzok, grave 2; 13 – Zakharovka-I 11/1; 14 – Sugokleyskiy barrow, grave 25; 15 – Zvenigorodka-X 5/3; 16 – Golovkovka-III 14/1; 17 – Borovkovka 1/12; 18 – Les'ki-I 1/8; 19 – Chervona Sloboda 3/1; 20 – Matusov, grave 4; 21 – Bashtechki 49/2; 22 – Rosava 4/2, 5/2, 8/1, 8/2, 8/7; 23 – Ivankov; 24 – Mirnoye-II 1/1; 25 – Vybla Mogila (Krest), grave 1; 26 – Podol'skoye 2/1, 2/4, 8/1, 9/2; 27 – Timchenki 1/1; 28 – Pronozovka 2/1; 29 – Drigvalov Sad 3/3, 6/3, 7/2; 30 – Kagamlyk 2/1; 31 – Kolomatskoye 1/1.

Fig. 5. The area of distribution of burials in tree-trunk coffins in Europe. Red – cultures/groups of the Early Bronze Age (Reinecke's BA1–BA2); yellow – Dnieper-Prut Babino Culture; orange – Voronezh Culture (Khokholsky).

Table 1. Radiocarbon dates from burials in tree-trunk coffins of Dnieper-Prut Babino culture.